

Чу Фэй с безразличным выражением лица вошел, оттолкнув дверь. Увидев Цинь Цзыяня, стоявшего у окна, в его глазах мелькнуло удивление, но оно быстро сменилось привычной холодностью. Подойдя к Цюй Моханю, он протянул ему конверт:

— Председатель, извините за беспокойство. Это мое заявление об отчислении. Надеюсь на ваше одобрение.

Цинь Цзыянь слегка нахмурился и, не спеша, подошел к Цюй Моханю. Взглянув на Чу Фэя, он заметил, что на его лице остались синяки и ссадины. Особенно сильно пострадали уголок рта и глаз — один глаз был настолько опухшим, что почти не открывался. Весь его вид, обычно опрятный, теперь казался крайне неухоженным.

Цюй Мохань вскрыл конверт, достал заявление и молча начал читать.

Цинь Цзыянь заглянул через плечо. Текст заявления был кратким, всего несколько строк, напечатанных на компьютере, за исключением подписи и даты. Сделав глоток воды, он повернулся к Чу Фэю, который стоял неподвижно, словно статуя, и осторожно спросил:

— Школа еще не приняла решение. Не хочешь подождать?

Услышав голос Цинь Цзыяня, Чу Фэй наконец отреагировал. Он поднял взгляд и пристально посмотрел на него:

— Нет.

— Ты уверен? — Цинь Цзыянь повторил вопрос. — Семья Тан Чжихэна крайне возмущена этим инцидентом. Если ты уйдешь, не дождавшись решения, как, по-твоему, они отреагируют? Тебе все равно?

Чу Фэй крепко сжал губы, его руки по бокам сжались в кулаки. Прошло несколько мгновений, прежде чем он тихо произнес:

— Все равно.

Цинь Цзыянь обменялся взглядом с Цюй Моханем. Тот взял ручку, подписал заявление, поставил печать, вложил его обратно в конверт и передал Чу Фэю. Тот взял конверт, взглянул на Цинь Цзыяня, поклонился Цюй Моханю и, сказав «Спасибо», вышел из кабинета.

— Похоже, Чу Фэй твердо решил уйти. Руководство школы вряд ли сможет его отговорить, — сказал Цинь Цзыянь, опершись одной рукой на стол, а другой играя с бумажным стаканчиком. — В прошлых стычках Чу Фэй и Тан Чжихэн никогда не сталкивались лицом к лицу — Тан Чжихэн никогда не вмешивался лично.

Чу Фэй по натуре был пассивным. До сих пор он был близок только с Цзян Вэем. Если его не трогали, он мог целый день молчать. Но его молчаливость была противоположностью прошлого Цинь Цзыяня. Чу Фэй был высокомерным и холодным от природы, а Цинь Цзыянь — из-за чувства неполноценности.

Цюй Мохань, закончив читать отчет, написанный Цинь Цзыянем, взял стационарный телефон на столе и вызвал секретаря председателя студенческого совета. Он велел Цинь Цзыяню отправить электронную версию отчета на почту секретаря и приказал ему распечатать отчет и вывесить его на школьной доске объявлений, а также опубликовать на школьном форуме.

Студенческий совет под руководством Цюй Моханя работал очень эффективно. Утром того же дня они отправили видеозапись с камер наблюдения на почту Цюй Моханя и секретаря. Секретарь уже распечатал скриншоты и передал их Цюй Моханю, включая доказательства того, как Тан Чжихэн и его люди создавали проблемы Чу Фэю в классе.

О том, что Тан Чжихэн и Чу Фэй не ладят, знали все. Прежние мелкие стычки никого не беспокоили, и чаще всего страдал Чу Фэй. Никто не ожидал, что в итоге Чу Фэй отправит Тан Чжихэна в больницу. Насилие, произошедшее прошлой ночью в общежитии, уже стало горячей темой для обсуждения.

Независимо от того, насколько серьезно пострадал Тан Чжихэн, он был виноват, а его поведение было отвратительным. Учитывая его прошлые поступки, Цюй Мохань вынес ему наказание в виде условного отчисления. Школа не возражала против этого решения.

На следующий день Цюй Мохань отправил отчет и приказ о наказании матери Тан Чжихэна.

Мать Тан, держа в руках толстую пачку документов, скрежетала зубами от ярости, желая разорвать Цинь Цзыяня на части.

— Этот Цинь Цзыянь просто переходит все границы! Он даже не член студенческого совета, почему он написал этот отчет? Разве у председателя студенческого совета нет права принимать решения? Он позволяет постороннему управлять всем? — с гневом бросила она отчет на пол.

Тан Чжихэн с безразличным выражением лица лежал на больничной койке, закрыв глаза. Через некоторое время он медленно открыл их, и в его взгляде была невиданная ранее ясность.

— Что значит, что Чу Фэй уходит? Без извинений и наказания ему разрешили уйти? — Мать Тан фыркнула. — Бежит, как трус, думая, что уход избавит его от ответственности? Школа готова его простить, но я не собираюсь так легко отпустить это дело. И Цинь Цзыянь, и Цюй Мохань...

— Мама! — Тан Чжихэн прервал гнев матери. — Я хочу, чтобы на этом все закончилось. Решение председателя Цюй Моханя было справедливым. Это заслуженное наказание, и я принимаю его...

— Я не согласна! Ты просто так получил побои, и теперь тебе вынесли такое серьезное наказание? Где здесь справедливость?

Тан Чжихэн почувствовал, как голова начинает раскалываться. Он с трудом сдерживал крик боли, когда случайно задел рану, пытаясь успокоить мать:

— Мама, не будь импульсивной. Цюй Мохань — не тот человек, с кем можно связываться. Иначе почему школа предпочла обидеть нашу семью, но не остановила его решение? Мама, у меня болит голова, дай мне немного отдохнуть, хорошо?

Мать Тан с досадой посмотрела на сына. Отец, до сих пор молча сидевший на диване, взял ее за руку и, бросив взгляд на Тан Чжихэна, который отвернулся и лег на бок, сказал:

— Отдохни хорошенько, — и вывел мать из палаты.

— Ладно, я считаю, что наказание не слишком суровое. И ты, и Чжихэн должны научиться сдерживать свои порывы. Ты же знаешь, какой он характером? Разве ты, как мать, не

понимаешь это? В отчете все ясно написано, разве тебе не стыдно за то, что произошло?

Отец, хотя и был раздражен, понимал, что они сами слишком зазнались и попались на уловку Цюй Моханя и Цинь Цзыяня.

Особенно Цинь Цзыянь, чья манера держаться и уверенность подавили их всех. Его слова были настолько острыми, что они не смогли ничего возразить. Каждая фраза была ловушкой, и они сами в нее попали. Нельзя винить сына за его неудачи, если даже старшие попались в эту ловушку.

Отец вздохнул. Цюй Мохань был сильным и уверенным, и в таком юном возрасте обладал невероятной харизмой и хладнокровием. Это явно не было результатом воспитания в обычной семье. А Цинь Цзыянь, хотя и выделялся рядом с Цюй Моханем, легко было обмануться его внешностью.

— Ты хочешь сказать, что мы просто оставим это? — Мать Тан прищурилась, глядя на отца, ее лицо выражало явное нетерпение.

Отец снова вздохнул:

— Не действуй опрометчиво. Разве ты не слышала, что сказал Чжихэн? Если школа не отклонила решение студенческого совета, значит, Цюй Мохань — не обычный человек. Не рискуй обидеть того, кого обижать нельзя. Последствия могут быть куда серьезнее, чем просто наказание.

— Я никогда не слышала о семье Цюй в городе S, — с презрением усмехнулась мать.

— Женская глупость! — Отец нахмурился и, махнув рукой, вышел из больницы.

Их семья Тан не была настолько могущественной, чтобы диктовать свои правила в городе S, не говоря уже о том, чтобы выходить за его пределы. Они до сих пор не знали, кто такой Цюй Мохань на самом деле, но то, что студенческий совет под его руководством мог влиять на решения школьного руководства, говорило о том, что этот человек имел серьезные связи.

В конце концов, во всем этом инциденте их сын был неправ. Он был избалован с детства, и ему пора было получить урок. Дома его баловали родители и старшие, и он был совершенно неуправляем. Отец почувствовал, как внутри него поднимается гнев — характер Тан Чжихэна был точной копией матери.

— Вернись домой и найди кого-нибудь, чтобы узнать больше о Цюй Мохане. Пусть Чжихэн запомнит этот урок и не будет больше ссориться со всеми подряд. В будущем пусть учится у председателя, — после некоторого размышления отец предупредил мать. — Если Чжихэн говорит, что на этом все закончилось, ты тоже должна быть осторожна.

Мать фыркнула и отвернулась, не придавая этому значения. Отец, зная ее характер, не стал настаивать.

Тан Чжихэн, лежа на кровати спиной к двери, услышал, как за ней стихли голоса, и в палате воцарилась тишина, нарушаемая только звуками медицинского оборудования. Он открыл глаза и посмотрел на руку, в которую была введена капельница. Холодная жидкость текла по его венам, распространяясь по всему телу.

Тан Чжихэн молча перевернулся на спину и уставился в потолок, вспоминая холодное лицо

Цюй Моханя, очаровательного и мягкого Цинь Цзыяня, вечно спорящих Ли Синя и Е Чжичэня, а также незаметного и скромного Ли Синя. Внезапно он почувствовал тоску и одиночество.

<http://bllate.org/book/17678/1647970>